

2012/3 (9)

Содержание

Теоретическая культурология

Горин Д. Г.

К феноменологии должного
и сущего: «иное царство»
и метафизика власти
в культуре России

Савруцкая Е. П.

Коммуникационный аспект
инновационных трансформаций
в конструировании социальной
реальности

Историческая культурология

Чистякова В. О.

Отечественное военное кино 1911–
2011 годов: медиатизация памяти

*Сорокин А. П.**Лосунов А. М.*

Мифологема «столичности» города
Омска: исторические основания и
современный контекст

Прикладная культурология

Синецкий С. Б.

Культурные трансформации
в XXI веке: осмысление перспектив

Садохин А. П.

Теоретико-методологические
ресурсы культурологической
экспертизы

*Кочеляева Н. А.,**Разлогов К. Э.*

Современное понимание культуры:
от теории
к законодательной практике

Доклады, прочитанные на юбилейной сессии Ученого совета
Российского института культурологии

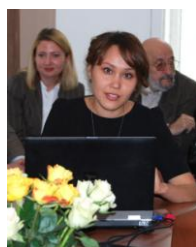
УДК 008:159.953

Чикишева А. С.

**ФЕНОМЕН НОСТАЛЬГИИ И ЕГО ПРОБЛЕМАТИЗАЦИЯ
В СОВРЕМЕННОМ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ ЗНАНИИ**

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с проблемным полем современных memory studies. С этой целью освещены история понятия «ностальгия», научные подходы к его пониманию. Кроме того, в качестве парного исследуется введенное Ф. Ницше понятие рессентимента. В качестве эмпирического примера рассмотрена постсоветская Россия и российский опыт обращения с прошлым и историей. Анализируются и сопоставляются результаты нескольких социологических исследований на тему геополитических ориентаций россиян и восприятия событий 1991 года.

Ключевые слова: социальная и культурная память, изучение памяти, ностальгия, рессентимент, культурная травма, коллективная идентичность

Рассмотрение феномена ностальгии в рамках научного дискурса можно считать своего рода эмпирическим индикатором процессов, происходящих в современном социогуманитарном знании. Этот частный пример позволяет судить о некоторых общих тенденциях в современных социологии, культурологии и смежных дисциплинах. Раздвигание методологических границ, междисциплинарный характер анализа, конвергенция социальных и гуманитарных наук (с опорой на выводы естественных и методологию точных наук) — все перечисленное делает возможным рассмотрение ностальгии как понятия социологического и культурологического, а не только психологического и/или философского.

Формирование memory studies как самостоятельного предметного поля, метода в Дюркгеймовом понимании, а сегодня уже и отдельной парадигмы всегда происходило, в некотором смысле, в оппозиции к классическим психологическим и социологическим теориям, полагавшим память структурой исключительно индивидуального сознания. Постулирование идеи «социальных рамок» памяти утвердило memory studies как перспективное направление, однако проблематика

Гуманитарные исследования

Штейнер Е. С.

Левизна художественная и политическая в детской книге Европы и Америки 1920–30-х гг. (Часть 2)

К 80-летию Российского института культурологии

Visual studies: теоретические исследования в Санкт-Петербургском отделении Российского института культурологии

Доклады, прочитанные на юбилейной сессии Ученого совета Российского института культурологии

Чикишева А. С.

Феномен ностальгии и его проблематизация в современном культурологическом знании

Васильев А. Г.

Vita memoriae, casus Poloniae

Рабинович В. Л.

«Изгой нынчести»: Маяковский и Че Гевара

Рецензии

Фадеева И. Е.

Текстуальные революции как феномен российской цивилизации: от геопоэтики к геосемиотике

Рейфман Б. В.

Путешествие как ойкумена, ищущая свою границу: по поводу книги «Путешествие как феномен культуры»

Научная жизнь

Богатырёва Е. А.

Разноречие и разногласия: дискуссии о М. М. Бахтине в Бертиноро

Гончарик А. А.

Международный культурный форум 2012 в Ульяновске: итоги и перспективы

ностальгии долгое время оставалась на периферии интересов специалистов данной области. Введенное И. Хофером в 1668 г. [1], данное понятие характеризовало род психического заболевания, которое предполагалось лечить при помощи пиявок, слабительного, рвотного и кровопусканий, а позже — применяя шоковую терапию вроде закапывания в землю. В военной психиатрии до сих пор существует направление, занимающееся изучением и лечением ностальгии, особенно морской. В XX веке ностальгия стала рассматриваться с психологических позиций, к примеру, в связи с адаптацией мигрантов (тут можно привести в пример исследования чикагской социологической школы). Э. Фромм в работе «Бегство от свободы» вписывает эмоции сожаления о прошлом в исследование процесса разрыва первичных уз, которые связывают ребенка с матерью, первобытного человека с его племенем и природой, а средневекового — с церковью и его сословием. Ностальгия вызвана осмыслением разрыва этих уз, который нарушает непрерывность внутреннего существования, целостность душевной жизни.

Другой подход к проблематике ностальгии был предложен философией. Здесь ностальгия рассматривалась, в противоположность критическому восприятию мира, как недостаток свободы мышления и рациональности в постижении прошлого (в таком ключе о памяти и ностальгии писал, например, И. Кант). Позже, разрабатывая свою концепцию морали, Ф. Ницше ввел понятие рессентимента [2], задавая новую плоскость осмысления ностальгии. Обозначив этим термином повторное переживание прежнего чувства и вследствие этого его усиление, Ницше отметил несколько важных для мемориальной темы моментов:

- структура мемориальных образов связана с вторичным переживанием эмоций (то есть речь идет именно о конструировании, более или менее сознательном, а не об априорной данности);
- конструирование социальной памяти, а значит и идентичности тесно связано с образом «другого», по отношению к которому определяются границы «своего»;
- через транслируемые социальной памятью воспоминания о прошлом конструируется настоящее и определяется будущее.

Макс Шелер, развивая идею Ницше [3], пришел к мысли, что рессентимент тесно связан с эскапизмом, а ностальгия есть следствие не столько счастливого прошлого, сколько не удовлетворяющего субъекта настоящего.

В социологическом контексте понятие рессентимента переосмысливается у П. Штомпки, Дж. Александра и Н. Смелсера [4], которые разрабатывают концепцию культурной травмы. Так, Александр полагает, что травма имеет место тогда, когда члены социальной общности ощущают, что они подверглись воздействию ужасающего события, которое оставило неизгладимый след в их коллективном сознании, навсегда оставаясь в их памяти и влияя на будущую идентичность. Смелсер отмечал, что событие, которое может быть определено как культурная травма, должно иметь негативное воздействие, казаться непреодолимым, рассматриваться как угрожающее самому существованию общества или разрушительное для его фундаментальных культурных оснований. Таким образом влияние Ницше здесь очевидно, однако его r resentment переосмысливается с учетом достижений memory studies.

Исходя из выше сказанного, ностальгию и рессентимент можно рассматривать как пару дополняющих друг друга понятий, сходных по

принципу своего формирования, но различных по характеру образующих их эмоций. Если в основании ностальгии лежит идеалистически переживаемый образ прошлого, то в основании рессентимента — чувство обиды и негодования, связанные с неким условным фактом этого прошлого.

Мультипарадигмальная структура социогуманитарного знания приводит к тому, что редкое понятие обладает одним, конкретным толкованием, а полисемантичесность сегодня заложена в основание социологии, культурологии, культурной антропологии. Понятию «ностальгия» не слишком «везло» в смысле определений. Первоначально, как уже говорилось, оно относилось к сфере интересов психиатров и психологов; затем, по мере оформления *memory studies*, ностальгию рассматривали исключительно как дефект памяти, *недо*-историю, возникающую вследствие неполного или необъективного знания о прошлом. В свою очередь, *memory studies* не избежали влияния позитивизма с его апелляцией к абсолютному знанию и требованием истинности, объективности, доказательности.

Постмодернистская критика метанарративов применительно к мемориальной парадигме может быть истолкована следующим образом: в культуре сосуществуют различные диалекты памяти и мемориальные практики, каждая из которых тем или иным образом репрезентирует прошлое. Вопрос *абсолютной* истинности той или иной репрезентации — это вопрос социального контроля, установления «власти знания», поскольку любая трактовка события (или просто облечение его в принятые грамматические, лексические, визуальные формы) искажает реальность, а значит, является в известной степени мифологичной и оказывается не лучше и не хуже академичной «исторической» трактовки.

Однако необходимо понимать опасность другой крайности — нигилистического агностицизма, свойственного постмодернистскому мышлению. Социолог Б. В. Дубин (указание на его научную специальность немаловажно, поскольку часто именно социологию, в противовес истории, упрекают в утверждении относительности познания) замечает: «Пишущий историю исходит, не может не исходить из того, что описываемые им люди и их поступки действительно *были*, потому и могут (должны) быть реконструированы и поняты. В каждом отдельном случае реконструированы и поняты, ясное дело, частично, приблизительно, условно, но сомневаться в реальности происходящего для самих его участников, отрицать подобную реальность значит для историка заигрывать с дьяволом» [5].

Как уже говорилось, сложно выделить единое определение феномена ностальгии, однако попытаемся определить его через различные перспективы рассмотрения.

1. *Ностальгия как миф*, «контрапрезентый», по выражению Я. Ассмана. Она мифологизирует прошлое через абстрагирование от конкретно-исторических деталей к общим мифологемам добра и зла и становится в этом смысле предельно общим теоретическим понятием, а также одним из фундаментальных состояний человека и социума. В этом ключе ностальгию понимал М. Хайдеггер, для которого она была не тоской по ушедшему прошлому, но тягой к миру как целому: «туда, к бытию в целом, тянет нас в нашей ностальгии» [6].
2. *Ностальгия как этическая метафора*. Прошлое *a priori* хорошо, настоящее есть порча образца. Корни такого отношения — в

линейной нисходящей модели истории, свойственной мировым религиям (и унаследованной ими от более ранних форм общественного сознания — к примеру, мифологии).

3. *Ностальгия как эстетическая метафора.* Прошлое — это красиво, традиция и духовность противопоставляются новации и практицизму. В этой связи уместно вспомнить философов-романтиков, которые, преодолевая однозначность просветительской трактовки истории, «переизобретали» фольклор, делая память о прошлом народа полноправным компонентом его настоящего.

В пространстве повседневности эстетическое измерение ностальгии визуально трансформируется в стиль ретро и винтаж, неизменно популярные в современной моде, дизайне интерьеров и т.д. Необходимо понимать, что подобная мода — это именно ностальгия, а не историческая реконструкция. Никто не стремится полностью повторять образ прошлых лет — это своего рода игра, и элементы ретро используются для придания образу большей привлекательности.

4. *Ностальгия как механизм преодоления травмы, восстановления целостности исторического континуума.* История не развивается однозначно линейно, однако в сознании индивида и социума она должна существовать как целостная структура. Социальное изменение, особенно резкое, может восприниматься как разрыв, травма (работа П. Штомки не зря называется «Социальное изменение как травма»), новые элементы оказываются чужды привычным практикам и ритуалам. Ностальгия помогает связать разнородные составляющие, выступая своего рода формой диалога поколений и эпох.

5. *Ностальгия как социальная практика, вид социальной игры.*

Рис. 2. Кадр из фильма «Золотой компас»

Помимо того, что мы можем говорить о ностальгической идентичности, в современной культуре мы видим, как мифологическо-творческое переосмысление образов прошлого становится основой целой субкультуры. Например, стимпанк предлагает зрителям фантазийный мир, стилизованный под викторианскую Англию, мир, где альтернативная модернизация главным образом использовала возможности паровых двигателей. Все это не мешает адептам использовать всевозможные высокотехнологичные девайсы — вот только у компьютера оказываются перламутровые кнопки, а цифровой фотоаппарат больше похож на старинную камеру. Одно из относительно недавних кинематографических выражений этой эстетики — фильм Криса Вайца «Золотой компас» (2007).

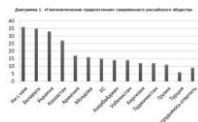
- б) *Ностальгия как вид моральной рефлексии и самоиронии.* Вследствие абстрагирования от конкретно-исторических деталей ностальгию можно рассматривать как стремление «взглянуть на себя со стороны», определить свое место на пространственно-временной оси через оценку событий прошлого, через социальное сравнение себя сегодня и условного «тогда». На близость понятий указывает даже их этимологическое сходство. В первом случае основа термина — латинская, во втором греческая: reflexio

(обращение назад) и νόστος (возвращение на родину). Возвращение прошлого через иронию (например, у известного художника И. Кабакова в его экспериментах с коммуналками) восстанавливает утраченную в переменах повседневность, но вместе с тем позволяет осмыслить то, что в обычных условиях осмыслению не поддается как раз в силу обыденности [7].

Можно выделить и другие подходы к феномену ностальгии, рассмотрев его, скажем, как коммерческую технологию превращения фольклора в сувенирную продукцию и т.п. Обращаясь к России как объекту исследования, можно отметить, что названные темы уже стали предметом интереса культурологов и социологов С. Бойм, Г. Е. Зборовского, Д. В. Драгунского и конечно Ю. А. Левады; сегодня сотрудники Левада-центра Л. Д. Гудков, А. Г. Левинсон, Б. В. Дубин продолжают двигаться в том же направлении.

Исследователи отмечают, что сегодня в России наблюдается отсутствие внятной национальной идентичности. Это подтверждает и тот факт, что для описания современной культуры в повседневном дискурсе применяются как термины «российское», «русское», так и «постсоветское». Кризис идентичности — это явление, которое касается не только нашей страны. Сходные тенденции наблюдаются и в Европе, в том числе — в связи с экономическим кризисом и критикой мультикультурализма в его классическом понимании. Если говорить о специфически российских характеристиках, то распространение ностальгических настроений можно объяснить несколькими моментами.

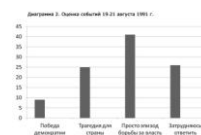
1. Мифологизация личности, уникального евразийского пути, свойственных России в силу ее географического положения, исторической полиэтничности и многоконфессиональности, уникальной духовной культуры. Социологи фиксируют символический разрыв в сознании россиян и, например, жителей США и ЕС, хотя в качестве близких пока еще видятся представители бывших союзных республик.

Распределение ответов на закрытый вопрос «С какими из указанных стран, на Ваш взгляд, было бы правильно объединиться нашей стране?» в исследовании ВЦИОМ (2011) представлено на Диаграмме 1 [8].

Поскольку конструирование коллективной идентичности требует наличия позитивного «обобщенного другого», по принципу соотнесения с которым группа формулирует представление о себе, то в условиях, когда в пространстве настоящего все «другие» оказываются «чужими», образ «мы» формулируется как «мы как другие всем». В такой ситуации, в поисках референтной группы социум с большей настойчивостью обращается к собственному прошлому. Экономическая и политическая нестабильность еще более убеждают в том, что «мы» одиноки, и единственная точка опоры — наше прошлое, наша культура и духовность.

2. Историческое сознание россиян специфическим образом фиксирует события, связанные с распадом СССР. Так, в 2011 г. 40–50% опрошенных определили эти события всего лишь как «эпизод борьбы за власть» или же затруднились ответить (см. Диаграмму 2). Причем ответ «эпизод борьбы за власть» стабильно давали более 40% респондентов всех возрастных групп, кроме группы 18–24-летних. Это, помимо всего прочего, свидетельствует о том, что событие закреплено в коммуникативной памяти, или памяти свидетелей, но

не в памяти культурной. Оно слабо мемориализировано, не локализовано в других носителях [9].

В связи с такого рода оценкой событий, сопровождавших распад СССР, которую можно определить как отрицание и вытеснение, современное российское общество не может идентифицировать себя как общество новое, «родившееся» после 1991 года. Линия идентификация прочерчивается дальше, находя точку опоры в предыдущем, более или менее исторически очерченном периоде — брежневской эпохе. Уже упоминавшийся Б. В. Дубин образно — и вместе с тем очень точно — определяет характер этого ностальгического образа: «“позолоченный век” брежневского пятнадцатилетия» [10]. Даже не «золотой», а только приукрашенный, смягченный, очищенный от слишком жизненных подробностей, но, вместе с тем, достаточно реалистичный, чтобы ни у кого не возникло сомнений, «что было именно так».

Одновременно происходит чрезвычайно интересный процесс, который может быть обозначен как «ностальгическая модернизация». Журнал «Неприкосновенный запас» посвятил этому феномену целый номер, который вышел с подзаголовком «Россия, вперед!» (по аналогии с программной статьей Д. А. Медведева) [11]. Во вступительной статье Илья Калинин высказывает следующий тезис: «Мы имеем дело не с чистой ностальгией и отыгрывающим ее интенцию возвращением утраченного объекта, а с политикой, направленной на позитивное перекодирование ностальгии по советскому прошлому в новый российский патриотизм, для которого советское практически полностью лишено какой-либо исторической специфики, являясь частью общего культурного наследия, комически не различающего собственную гетерогенность» [12]. Он подчеркивает, что мы становимся свидетелями своего рода нейтрализации советской истории, которую властный дискурс стремится превратить в музей, желая представить его частью общего, государственного историко-культурного наследия.

Анализируя обращение Президента к Федеральному Собранию в ноябре 2009 г., Калинин заключает, что заявленная Д. Медведевым формула модернизации основным своим обосновывающим и мотивирующим фактором, как это ни парадоксально, имеет именно советское прошлое: «Мы одной крови с теми, кто победил, стало быть, все мы - наследники победителей, и поэтому я верю в новую Россию. Нужно помнить и уважать наше прошлое. И работать по-настоящему ради нашего будущего» [13]. Историческое единство нации строится, таким образом, на органической идее единства крови, а дело строительства новой России (прямое следствие ее славного прошлого) становится персональным делом каждого — как потомка своего личного, семейного ветерана-победителя. Таким образом, снова можно наблюдать ностальгическую конструкцию «победоносное прошлое — далеко не идеальное настоящее». Однако связь прошлое/будущее здесь сложнее — она строится не на призыве к прямой реставрации, а на использовании прошлого как исторического горизонта, который требует от нас быть «достойными» его.

Аналогичные тенденции можно отметить и в выступлениях В. Путина: речь Президента во время Парада Победы 2012 года была практически полностью посвящена теме преемственности поколений, национальной памяти. Вместе с тем, в одной из своих предвыборных статей он прямо говорил о том, что России необходимы социально-экономические изменения, что нельзя просто повторить опыт СССР и необходимо избавляться от «рудиментов советского правосознания» [14]. Казалось

бы, мемориальная тема — наследие, преемственность — должна быть разведена с политикой, экономикой, правом; насколько такое разведение осуществляется на практике — вопрос, требующий более детального изучения.

На основании приведенных выше исследований можно сделать вывод о том, что в современной России наличествуют и ностальгические настроения «снизу», и встречная интенция сверху, выражающая сознательное стремление властных элит использовать потенциал ностальгического мифа с целью легитимации модернизационного проекта. Понятно, что после потрясений двадцатилетней давности, свидетели которых еще живы и социально активны, либеральная трактовка модернизации не найдет поддержки у населения. А вот привлечение «славного прошлого» как обосновывающего воспоминания, наряду с демонстрацией стремления к технологическому совершенствованию страны, повышает шансы такого проекта быть принятым в обществе.

Приведенные эмпирические данные подтверждают доводы сторонников динамического подхода в рамках *memory studies* в пользу того, что память есть процесс социальной коммуникации, и контекст этой коммуникации, ключевые культурные топосы ограничивают степень пластичности содержания социальной памяти. Любая властная элита не свободна делать с историей то, что она сочтет нужным. На приведенном примере скорее видно, как уже сложившаяся структура общественного сознания и коллективной идентичности заставляет элиты изменять рамку предлагаемых проектов, дабы вписать ее в существующую систему смыслов, обеспечить лояльность населения.

Подводя итоги, необходимо отметить, что исследование даже одного мемориального феномена в ограниченном временном и географическом поле, как представляется, позволяет сделать некоторые общетеоретические выводы или же подтвердить уже существующие гипотезы. В докладе была затронута лишь одна сторона вопроса, но продолжить рассмотрение феномена ностальгии можно в поле художественной культуры [15] или более подробно остановиться на ностальгических социальных практиках.

Категориальный и методологический аппарат *memory studies*, при всей его дискуссионности, демонстрирует несомненный эвристический потенциал, в том числе и в прикладных исследованиях. *Memory studies* вполне могут выступать как теория среднего уровня, которая связывает классические «большие теории», такие, как структурализм или структурный функционализм, и эмпирические результаты конкретных исследований, число которых растет как в России, так и за рубежом. Междисциплинарный подход в данном случае выступает как основание для конвергенции социальных и гуманитарных наук, которые сталкиваются со все большим расхождением и специализацией, что позволяет сделать вывод об актуальности подобных исследований.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См. подробнее: *Hofer J. Dissertatio medica de Nostalgia oder Heimweh. Basel, 1688.*

[2] См. подробнее: *Ницше Ф. К генеалогии морали // Ницше Ф. Соч. : в 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 407-524; Его же. По ту сторону добра и зла // Ницше Ф. Соч. : в 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 238-406.*

- [3] См. подробнее: *Шелер М.* Ресентимент в структуре моралей = *Das ressentiment im aufbau der moralen* / пер. с нем. *А. Н. Малинкина*. СПб. : Наука ; Университ. кн., 1999.
- [4] См. подробнее: *Alexander J. C.* Cultural Trauma and Collective Identity // *J. C. Alexander, R. Eyerman, B. Giesen, N. J. Smelser, P. L. Sztompka*. Berkeley, 2004; *Штомпка П.* Социальное изменение как травма // СоцИс. 2001. № 1. С. 6-17.; *Штомпка П.* Культурная травма в посткоммунистическом обществе : (ст. вторая) // СоцИс. 2001. № 2. С. 3-12.
- [5] *Дубин Б. В.* Россия нулевых: политическая культура — историческая память — повседневная жизнь. М. : РОССПЭН, 2011. С. 69.
- [6] *Хайдеггер М.* Основные понятия метафизики // *Вопр. философии*. 1989. № 9. С. 116-122.
- [7] *Кабаков И. И.* Ящик с мусором // Государственная Третьяковская галерея [Электронный ресурс]. URL: http://www.tretyakovgallery.ru/collection/_show/image/_id/2202 (дата обращения: 18.09.2012).
- [8] Диаграмма построена по результатам исследования: В какой стране мы хотим жить? // Всероссийский центр изучения общественного мнения [Электронный ресурс]. 2011. 29 июля. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=111840> (дата обращения: 18.09.2012).
- [9] Диаграмма построена по результатам исследования: «ГКЧП–1991»: взгляд спустя двадцать лет» // Всероссийский центр изучения общественного мнения [Электронный ресурс]. 2011. 18 авг. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=515&uid=111866> (дата обращения: 18.09.2012).
- [10] *Дубин Б. В.* «Кровавая» война и «великая» победа : о конструировании и передаче коллективных представлений в России 1970–2000-х гг. // *Дубин Б. В.* Указ. соч. С. 50.
- [11] *Медведев Д. А.* Россия, вперед! // Президент России [Электронный ресурс]. 2009. 10 сент. URL: <http://kremlin.ru/news/5413> (дата обращения: 18.09.2012).
- [12] *Калинин И.* Ностальгическая модернизация : советское прошлое как исторический горизонт // *Неприкосновенный запас*. 2010. № 6. С. 7.
- [13] *Медведев Д. А.* Послание Федеральному Собранию Российской Федерации // Президент России [Электронный ресурс]. 2009. 12 окт. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/5979> (дата обращения: 18.09.2012).
- [14] *Путин В. В.* Нам нужна новая экономика // *Ведомости* [Электронный ресурс]. 2012. 30 янв. URL: http://www.vedomosti.ru/politics/news/1488145/o_nashih_ekonomicheskikh_zadachah (дата обращения: 18.09.2012).
- [15] См., например, статью *В. О. Чистяковой* в настоящем номере: *Чистякова В. О.* Отечественное военное кино 1911–2011 гг.: медиатизация памяти // *Культурологический журнал* [Электронный ресурс]. 2012. 3(9). URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/144.html&j_id=11 (дата обращения: 05.10.2012) [примеч. ред.].

© Чикишева А. С., 2012

© Назарова Н. В., фото, 2012

Статья поступила в редакцию 6 июля 2012 г.

Чикишева Анна Сергеевна,

научный сотрудник Сектора исследований медиакультуры,
Российский институт культурологии (Москва)

e-mail: anna.chikisheva@gmail.com

UDC 008:159.953

Chikisheva A.

**PHENOMENON OF NOSTALGIA AND ITS PROBLEMATISATION
IN CONTEMPORARY CULTURAL RESEARCH**

Annotation. The report was presented during the jubilee session of the Academic Council at the Russian Institute for Cultural Research. It addressed the issues of contemporary memory studies; the author analyses the history of nostalgia concept and existing approaches to its definition. The special attention is given to Nietzsche's concept of resentment, which is analysed as an opposite one. Post-Soviet Russia and actual Russian experience of tackling the past and history provide for the empirical data of the study also based on the review of the sociological investigation into mass geopolitical orientations and perception of the 1991 events in Russia.

Key words: social memory, cultural memory, memory studies, nostalgia, resentment, cultural trauma, collective identity

Chikisheva Anna Sergueevna,

Researcher of the Department for Screen Culture,
Russian Institute for Cultural Research (Moscow),

e-mail: anna.chikisheva@gmail.com